

КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОГ СТАТЬ ПОСЛЕДНИМ...

Воспоминания жены советского офицера Р.А.Кочеровой (до войны жила в Крынках)

...Нас посадили в теплушку и под конвоем отправляют целый эшелон на Запад, в Польшу, в лагерь. На станциях подолгу стоим. На станции Берестовица мне с сыном удается уйти. От станции идем с сыном вправо, по знакомой дороге в Крынки. Свежа память... По этой дороге Вася вез нас домой, счастливый, что мы, наконец, вместе. Первая деревня Рудовляне - белорусская. Одинокaя старая женщина оставляет ночевать. Сын истощен, слаб, несколько глотков молока вызывает судороги, он падает на пол, корчится от боли, крестьяне плачут от жалости.

Добрые люди из этой деревни приютили нас. В каждой хате были беженцы, бежавшие из плена. Войт (староста) записывал всех их как заключенных из советских тюрем и лагерей, благо все были стрижены. Несколько дней отдыха и снова в путь. Хочу узнать про мужа, сделать аборт, достать что-нибудь из теплых вещей, ведь уже осень.

Дорога на Крынки - 26 км., для 3-х летнего истощенного ребенка мучительна. Он быстро устает, нас мучает жажда и вши. Беловатые, водянистые, они неистребимы. Дважды снимаю с сына трусики, рубашку, стираю, сушу, через два часа снова вижу - ползают.

Не сознавая опасности, вхожу в Крынки, стучу в дверь своего дома. Открывает Стася. У нее испуг в глазах, я ее успокаиваю, вещи мне не нужны, помогите сделать аборт, показываю на Толю - надо его спасать. Стучу в ставни дома врача, прошу помочь, она протягивает дрожащие руки, «эти руки искалечат Вас», - говорит она, - оказывается, тяжело ранены двое ее детей. Немцы сбросили листовки: все жители должны покинуть свои дома, выйти в поле, там будет безопасно.

*Фотографии из семейного альбома
Анатолия Кочерова, сына
Р.А.Кочеровой*

Население вышло, после чего немцы сбросили бомбы на людей, остались сотни убитых и раненых, лазарет переполнен. Но у меня нет выхода.

Утром я с сыном в лазарете. Смотрю в его замученные глаза, и одна мысль: скорее, скорее... Это все дает мне силы перенести все муки, боль... Не суждено родиться второму сыну.

Ночью слышу шепот, - меня узнали, это опасно. Жду, когда все уснут, поднимаю сына и ухожу в темноту. За мной - кровавый след. Препграда - небольшой ручей, перекинута круглое бревно. До сих пор страх сжимает сердце, как вспомню. Как перешла по этому бревну с ребенком на руках, не помню, кажется, с закрытыми глазами.

Рассвет застал нас далеко от Крынок. Мы снова в деревне Рудовляне.

Низкая закопченная изба мне кажется раем. Верю, сын будет жить. Перехожу жить в другую семью, Зайцевых, там большая семья, дети, нужна помощь. У сына все тело покрылось язвами, кричит день и ночь. Крестьяне лечат, говорят, застужена кровь. В деревне много таких, как я, но относятся доброжелательно, делятся последним, что имеют. Бедность ужасающая: глиняный пол, большая печь, сундук, щербатый стол, лавки, и блохи, полчища блох, особенно страдает от них сын, язвы кровоточат, блохи кусают, жгут огнем.

Узнаем, что на станции Берестовица ежедневно к вечеру приводят партии пленных на ночлег. У каждой из нас муж, брат, близкие и мы за 10 км. идем на станцию, а вдруг? Измученные долгим этапом от Минска, - переходами от станции к станции - не менее 20км., голодные, больные, многих поддерживают товарищи. Нам разрешают приносить только воду, наливают в корыта, баки, они проходят мимо, молча пьют. Крестьяне суют хлеб, окрики, удары охраны. 2000 пленным утром выходят из сборного лагеря, в Берестовицы приходят меньше половины. Ночь на холодной, уже осенней земле, - утром десятки не могут встать, их пристреливают тут же... Несколько раз удавалось крестьянам спасти пленных: бросались на шею, убеждали, что это сын, брат, муж, - отпускали...

Сентябрь 1941 г.

С нами в деревне живет немолодая женщина с 7-ми месячным внуком. Она из Кременчуга, приехала погостить к дочери, повидать внука. Война, дочь - врач, ушла на фронт, зять офицер, отправили бабушку с внуком на машине, но... голубоглазый Геночка заболел дизентерией, лечить и кормить нечем, умирает... Хозяйка, добрая верующая женщина, боясь, что он умрет в избе, а ведь он некрещеный, отказала в приюте.

У меня на руках умирал Геночка. Вздрогнули белые реснички и замерли. Добрые крестьяне вдруг стали жестокими: не разрешили хоронить ребенка на кладбище, хороните около дороги... Потом, в результате переговоров, поставили условие: чтобы пришел батюшка, отпевать... А батюшка в Ногинке, за 10 км. Пошла я, объяснила батюшке, просила от имени бабушки - обещал, но так и не пришел! Мы похоронили все же на кладбище, крестьяне пытались помешать, но мы, женщины-беженки, советские женщины, готовы были драться... Нашли большой камень, положили на могилу. В этот момент мы проклинали бога, ненавидели людей, так неожиданно ставших жестокими во имя религиозных догм.

Я с сыном ушла на станцию, хотелось быть ближе к пленным, ведь воевали три брата и муж, а вдруг... Поступила уборщицей, каждый день встречала пленных, вглядывалась, в глазах многих была только тоска, мука... Ненависть входила в мое сердце, обжигала. Немцев ненавидела за то, что превращали людей в животных, я видела, что от голода многие рвали траву и пытались ее есть. Сопровождающие, немолодые, из нестроевых, злы и жестоки, т.к. они тоже должны идти пешком, сопровождая пленных, и они вымещают свою злобу на голодных измученных людях. Невозможно, невыносимо описать сейчас то, что видели тогда мои глаза. Осенние холодные ночи, сырая земля. На этой земле после 20 км. перехода лежат в забвении наши мужья, братья, отцы. Раннее утро, стонущая земля, многих не может поднять окрик, удары, и так каждый день... Когда бываю в деревне, рассказываю местным, все больше приходят крестьянок, несут хлеб, все, что имеют... Нескольким удается вырваться из этого ада, мы подсказываем, куда и когда бежать, охрана небольшая, но люди очень ослабли. В деревнях прибавилось работников под видом бывших наших заключенных (сейчас кажется странным, что около западных границ тогда было много наших лагерей, но увы, так было!).

Октябрь 1941 г.

Нет одежды. Сын заболел коклюшем, кашель беспокоит немцев, они выгоняют нас. По пути из деревни на станцию - имение Рудава. Дом, красивый парк, пруд, костел. Хозяйка дома приглашает меня с сыном. Она с грустью говорит, что у нее внук, ровесник Толе, но она не знает про них ничего, они жили в Вильно. Хозяйка - Анна Александровна Гутаковская - оставляет нас у себя. Прожила эта милая женщина нелегкую жизнь, тоскуя по Родине, где осталась мать, детство и юность. В 20-ые годы уехала из Белоруссии в Польшу, вышла замуж. Муж - Ян Гутаковский, управляющий имением Рудава. Она готовила для студентов, растила двух дочерей. После установления Советской власти муж стал работать агрономом, даже ездил на ВДНХ, жили в

Белостоке. С начала войны все рухнуло, решили уехать из Белостока, вернуться в Рудаву, где муж работал в имении у барона. Доброй памятью вспоминаю этих добрых людей. Для меня они дважды спасители.

Около имения жили 4 православные и 4 католические семьи, жили обособлено, даже враждебно. Владелец имения - барон, был образованным человеком тихий, болезненный. Жена его, женщина властная, суровая, фанатичная католичка, разжигала неприязнь между верующими, была жестока. В 1939г. крестьяне убили ее.

Познакомилась с семьей Кривневых, мать и два сына, Николай и Иван. Иван женат на польской девушке Стефе, я подружилась с ней. Мать двоих детей, она похожа на девочку. Светловолосая, голубоглазая, легко, без горечи поведала о себе. Полюбила Ваню, но баронша не разрешила выйти замуж на иноверца. Пришлось вынести проклятие родителей, гнев баронши - приняла веру мужа, венчалась в церкви. Баронша запретила ходить по дороге и тропинкам имения, перевела на работу водовоза. Приход наших войск приняла восторженно. Жила семья дружно, если выпадала свободная минута, я шла к ним, могла просто сидеть, слушать. В такой обычной деревенской хате, где пахнет печеной картошкой, жарко натопленной печью было хорошо. Моя память хранит образы этих людей. В 1976г. от моих польских друзей узнала, что немцы сожгли всю эту семью...

Поселили меня во флигельке, рядом с костелом. Примерно через месяц прибыли немцы: 6 солдат и офицер, для охраны оставленного нашими склада с оружием. Команде нужна уборщица, посоветовавшись с приютившими меня Гутаковскими, решила, что я пойду. И стала я уборщицей, прачкой, поварихой. Откуда только силы взялись. Каждый день: натащить воды из колодца, убрать, постирать на 7 мужчин. Толя весь день в казарме, немцы в основном пожилые, к Толе относились неплохо. Однажды один немец подошел близко и подняв сжатый кулак, произнес: «Рот-Фронт»... В другой раз он же: «Москау гут, Гитлер капут». И это — в октябре 1941г.!

Этот немец, Матиас Доренкамп, рассказал мне, что вся «ваха» - бывшие «красные», даже офицер Апфель, неблагонадежные, но только он, Матиас, остался коммунистом, его брат Иоганн в тюрьме, а он случайно остался на свободе. Когда Матиас не стоял в карауле, он рассказывал мне о Германии.

Среди солдат был один, намного старше других, небольшого роста, худенький, с большими узловатыми руками, бывший рабочим-каменотесом. Все пальцы у него были покрыты сухими, твердыми мозолями. Война для него не была бедой, дома за него семья получала зарплату. «Пусть война продлится подольше, накопятся деньги, фюрер

обещал богатую жизнь, он поселится на Украине, там народ трудолюбивый, он в садочке будет отдыхать, как представитель высшей расы»... Страшно было от этого представителя...

Тяжелая ежедневная работа уборщицы, посудомойки, на ногах деревянные колодки, появились язвы. Изредка бываю в деревне, рассказываю про склад.

Просят узнать подробнее, что там. Думаю, как попасть на склад, мне подсказывают: предложить немцам откармливать гусей к рождеству, это делается вручную, две недели такой кормежки, и гусь готов. Уговорила немцев. Два раза в день, одев пальтишко с карманами, полными гороха, кормлю гусей: руками раскрываю клюв и вкладываю горох. В пустые карманы кладу патроны.

7 ноября 1941г. Матиас предлагает для фрау Риммы спеть интернационал, смех, но он поет, и остальные подпевают. Слушаю, забываю: война, немцы...

Ухожу к себе из казармы, там давно спит сын.

Появился молодой поляк, помощник Гутаков-ского, я почувствовала - враг, потом узнала: охотится за евреями, вернее за их добром. Пытался уговорить немцев участвовать в охоте, но, к счастью, попал на Матиаса, которому между прочим сказал, что я наверное большевичка, а может? и еврейка.

Матиас дал ему пощечину, пригрозил, а меня предупредил. Понимаю, надо уходить, Крынки недалеко, а там меня знают. Советуюсь с Яном Иосифовичем. Советует подождать, надо достать одежду. Под рождество гостил ксендз, готовился к проповеди, три дня постился. В костеле служба, слушаю проповедь: призывает к милосердию, помощь беженцам, бедным, добрыми делами служить богу, славит мать божью... После службы застолье, по тем временам долгое и обильное. Созревает план: ксендз едет в Белосток, по пути проезжает через Крынки, тогда я смогу с ним туда попасть, желательно ночью, чтобы никого не встретить знакомого.

В холодный декабрьский вечер ксендз, я в сутане монашки выезжаем. Кучером Матиас, он знает, что мне нужны теплые вещи и что, возможно, хозяйка не захочет их отдать. Мороз за 30 градусов. Крынки. Перед нами ворота, въезжаем, перед нами два 2-х этажных дома без окон, темно, но слышно какое-то пение. Ярко светит луна, и перед нами страшное зрелище: сидят, лежат, стоят люди, но они в большинстве уже мертвые, обледенели - это гетто, еврейское гетто Крынок. Ледяной дом, в молитвах немногих живых только одна просьба - послать смерть. Ксендз выходит, трогает детские ледяные тельца, о чем-то говорит с охраной. Отъезжаем. Из-под сутаны смотрю на ксендза, молчим, и вдруг он говорит: «..расплата за грехи предков..».

Как же так? Где же призывы к добру, милосердию? В чем виноваты дети?

А ведь он образованный человек, имеет высшее юридическое и медицинское образование. Но разве вера не основывается на прощении, на добре? Почему верующие, а часто и священники поступали так жестоко с людьми беспомощными, которым требовалась какая-то поддержка, хотя бы словом...

Стаси нет дома, она открыла ресторан для немцев. Я остаюсь возле дома,

Матиас идет за ней. Прошу дать кое-что из моих теплых вещей для сына и меня. Беру теплый тренировочный костюм мужа, кожух, шубу, что-то совсем ненужное, но памятное. Возвращаемся обратно без приключений. Все вещи отдала пани Анне, себе оставила только кожух.

Сильные морозы, немцам прислали лапти, сплетенные из соломы. Смешно смотреть на этих вояк. Удалось передать нашим патроны со склада.

Прошло несколько дней после возвращения из Крынок, слышу разговор: немцам приказано выехать в с.Кузница, привести в порядок могилы погибших немцев. Вспоминаю рассказ однополчанина мужа о последнем бое полка в районе Кузница-Сокулка, напрашиваюсь ехать с немцами. Конец декабря, сильный мороз. Слева могилы немцев, справа, из-под сугробов - башни наших танков. Немцы приводят в порядок могилы, кладут каски, фотографируют, чтобы затем послать родным, в помощь им приданы местные жители, они рассказывают: был жаркий бой, погибло много немцев и наших. На следующий день они похоронили наших, справа за танками.

В 1976 г. мы (я с сыном) по приглашению Гутаковских были в Польше и в этом селе Кузница посетили огромное кладбище наших воинов: каждая могила - три кирпичика и надпись: здесь похоронены 20, 30,...50 воинов, и все неизвестные, на всем кладбище я насчитала всего 12 фамилий (1944г.), а похоронены десятки тысяч.

В деревне Голынка - жандармерия, у них уборщицей, поварихой работает наша беженка Дуся Шершень, с двумя детьми, в подвале прячет бежавшего из плена Сашу Нефедова. Рудовлянский парни готовятся уходить в Беловежскую пущу, те же настроения в Хомантовцах.

Старая женщина, католичка подружилась с Толей, часто водит его в костел, уговаривает креститься католиком, будет помощь, корректно отказываюсь, мол, без согласия мужа не могу. Знаю, такие предложения были сделаны многим нашим беженкам, но ни одна не согласилась.

Пришла взволнованная Дуся: в деревне тяжело болен наш, бежавший из плена, что-то с позвоночником, погибает. Надо везти в

Белосток, есть договоренность, его примет женщина - как внука, но как проехать через посты?

Рассказала Матиасу, он обещал помочь, и обещание выполнил.

Январь 1942 г.

Сменился состав «вахи», офицер - польский немец или немецкий поляк? - Зуботка. Чтобы ему выслужиться в немецкой армии до офицерского чина, сколько надо было сделать подлого, жестокого? Предупреждена - надо усилить осторожность. Зуботка часто ездит в Голынку к жандармам, знакомится с местными, выпрашивает, высматривает. В Хомантовцах заводит роман с беженкой, женой офицера. Наши парни обеспокоены, Рудовлянские крестьяне предупреждают: он расспрашивает про меня. При мне улыбочив, пытается ухаживать. Часто берет Толю на прогулки. Надо уходить, но Ян Иосифович отговаривает: в ближайшие дни он поедет в Белоруссию, к маме жены, узнает обстановку, предупредит родственников о моем приезде.

Беда: узнаю, что Зуботка выследил хомутовских ребят, как предупредить об опасности? Иду к Стефе, обещает помочь. Погнала теленка в ту сторону, навстречу немцы из Голынки идут на помощь, а она мимо за теленком, успела шепнуть, что немцы окружают село. Ночью, отстреливаясь, наши уходят, убивая при этом женщину, к которой ходил Зуботка. Несколько дней ее тело лежало на дороге, на окраине деревни. Зуботка взбешен... Дуся передает, что Зуботка часто бывает в жандармерии, что-то замышляет. Выследили одного из наших ребят, Жору, он пришел в условленное место за патронами, Зуботка устроил засаду (своих солдат не брал), травили как зверя, надругались, не разрешили хоронить.

Меня предупредили, чтоб в ближайшие дни была дома, после 19 часов на работе не задерживаться. В один из вечеров вдруг выстрелы, вспышки, крики. Наши партизаны напали на «ваху», один немец убит (как раз бывший каменотес), двое ранены. Зуботка тоже ранен, отвезли его на станцию. Меня уговаривают пойти на станцию, проведать Зуботку, иначе могут заподозрить в соучастии партизанам. Иду, в маленькой комнате лежит на кровати ненавистный Зуботка. Палец правой руки забинтован (крестьянин, у которого он спрятался, уверяет, что сам Зуботка поранил руку). Стараюсь выразить сожаления, а он в упор: «Почему так рано ушла домой?»

На следующий день пришли за мной. С сыном на санях повезли в Хомантовцы, пошли по хатам, спрашивают, у кого бывала, кого знаю? В Хомантовцах не была ни разу. Повезли в г.Б.Берестовица, очень боялась, что повезут в Крынки, тогда гибель. Берестовицкая комендатура ближе, почему-то привезли к врачу, он мне знаком, бывал

у Гутаковских. Посмотрел сына, сказал сопровождавшему меня немцу, чтобы тот принес ему словарь, а когда тот вышел, мне: «откажитесь от сына!». Беру Толю на руки, смотрю ему в глаза и гневно говорю: «Вы ошибаетесь!» Входит немец со словарем, врач долго ищет в словаре и говорит «мальчик крещенный». После я узнала, Зуботка брал Толю на прогулки, смотрел, нет ли обрезания (в 1976г. мои спасители предложили мне встретиться с врачом, но в последнюю минуту я отказалась). Меня отпустили....

Февраль 1942 г.

Вскоре после нападения на «ваху» поступил приказ: всех «восточников» привести в г.Б.Берестовица для отправки в лагерь. Каждый хозяин обязан был доставить живущих у него беженцев, за невыполнение - расстрел. Потянулись сани с женщинами и детьми. Мои хозяева советуют оставить Толю у них, одной легче убежать, устроиться. Впервые расстаюсь с сыном, оставляю все, что надо знать про Толю: имена, адреса. Прощаемся, и Ян Иосифович везет меня в Б.Берестовицу. Молчим, нет слов, нет слез. На площади, как на лобном месте, толпа обреченных. Возвышаются виселицы, крики избиваемых, плач детей. Женщин сортируют как скот, отбирают детей. Меня увлек Ян Иосифович, оставил около какого-то дома, вскоре вернулся, сунул мне в руки бумажку, сказал: "Запомните, Вы работаете в имении скотницей". Выкупил он меня! Через много лет узнала цену свободе: золотое кольцо и золотая пятерка. Прочла справку: «отпущена из лагеря на постоянную работу в имении свинаркой, под наблюдением полиции и ответственностью пана Гутаковского».

Вывозят склад оружия, «ваха»тоже уходит. Дуся передала, что мне надо уходить, ей стало известно, что составлен список подозрительных лиц, и я в этом списке. Вскоре меня с Толей привезли в Голынку, в жандармерию.

Ничего не говорят, посадили в подвал. Пришла Дуся, принесла поесть. Прошло несколько дней. Однажды ночью услышала шум, русскую речь. Стала стучать в дверь, кричать. Взломали дверь,- это были наши партизаны, они напали на жандармерию, оружие у них было, а вот с едой было плохо. Жандармов обезоружили, связали и заперли, взяли из подвала продукты. До этого посетили местного священника, думали у него застать едой, но увы... Зато у него обнаружили список подозрительных лиц, порвали, припугнули, после чего и решились напасть на жандармерию. Собираются в Беловежскую пущу, просила, чтобы взяли нас, понимая, что не возьмут. Посоветовали добраться до Белостока, дали адреса.

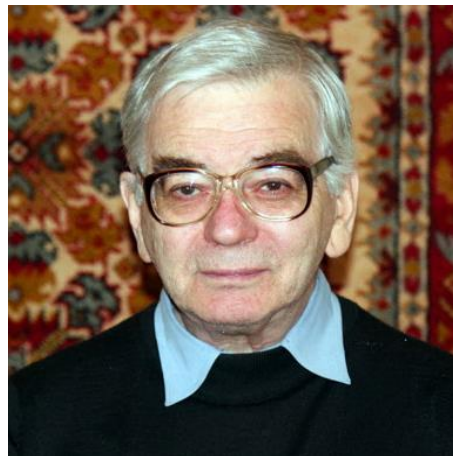
Ночью постучала к Гутаковским, солгала, сказав, что отпустили, что мне необходимо в Белосток. Анна Александровна и Ян Иосифович

собрали немного еды, дали адреса в Вильно: родители мужа старшей дочери, в Белоруссии, ст. Бигосово, в деревне Павлюки их родственник, про меня знают, Ян Иосифович рассказал, когда приезжал за тещей. Поздно ночью проводил на станцию и посадил в поезд на Белосток.

Март 1942 г.

Белосток, морозно, солнечно, оживленные улицы, много разрушенных домов. На улице монашки ведут детей, сердце сжалось - наши дети, одетые в какие-то просторные одеяния. Дети, а не слышно смеха, разговоров, глаз опущены. Вечером нашла квартиру, где жил наш больной солдат у женщины, которая осталась одна. На фронт ушли три сына, их жены и внук. Выхаживала больного «внука». От него

Анатолий Кочеров.

узнала, что в городе подпольная группа из оставшихся партийных и советских работников. Дуся Шершень держит с ними связь. В городе обязательная регистрация проживающих, но члены группы не регистрируются, часто меняют место проживания. Вечером собрались, человек 20, каждый о чем-то докладывает. Для внедрения в типографию нужен человек со знанием немецкого языка. Про меня знают от Дуси и Саши. Прошел день, мои новые друзья встревожены - начались облавы. Ночью на новом месте, в полуразрушенном доме. Руководит подпольем молодой мужчина, коммунист, фамилии не знаю. Ночью слышу разговор с упоминанием своего имени, что я беглая, что-то про евреев, гетто. Утром, не глядя в глаза, мне говорят, что надо с ребенком уходить, начнутся облавы, а с 3-х летним ребенком далеко не уйдешь.

Ночью ухожу из города, в кармане пропуск и удостоверение личности, успели заготовить, были у них свои люди в управе...

К печати подготовил А.В.Кочеров.